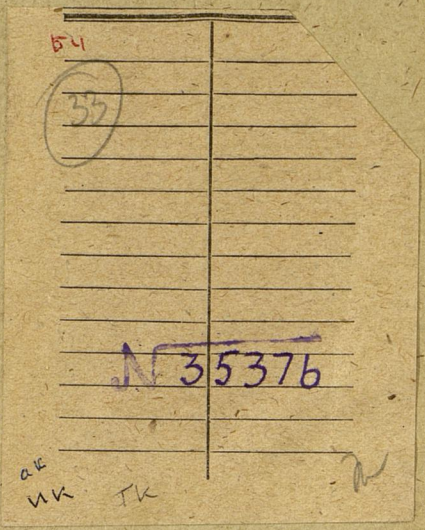
Ф244 Фаресов А.И.
Александр Константинович
Шеллер
СПб; 1901

БЧ

Включено в каталог
1959



16866.
26. АВГ 1903

А. И. ФАРЕСОВЪ

АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ШЕЛЛЕРЪ (А. Михайловъ)

БІОГРАФІЯ И МОИ О НЕМЪ ВОСПОМИНАНІЯ

(СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ)

СОДЕРЖАНІЕ:

стр.

I. Автобіографіи А. К. Шеллера. — Его семья. — Бабушка-аристократка и отецъ «крестьянинъ-эстъ». — Двойное воспитаніе, ... 5

II. Отецъ — придворный служитель. — Мать. — «Мой родъ» 8

III. Послѣдствія двойного воспитанія. — Сложный характеръ Шеллера. — «Лучшая его часть»... — Образованіе Шеллера. — Первая работа въ «Весельчакѣ» за 1859 г. — «Недоросъ до-романа»... — Перерывъ литературной дѣятельности. — Возобновленіе ее въ «Современникѣ» за 1863 г. — Секретарь редакціи . . . . . .

IV. Литературное поприще. — Письмо Шеллера въ газетахъ послѣ 25-лѣтняго юбилея. — Какъ онъ писалъ свои романы. — Старость и болѣзнь. — Параличи, нейрастенія, грудная жаба. — Раздражительность. — Необезпеченность. — Пенсія изъ фонда при академіи наукъ. — Циркуляръ отъ 8-го февраля 1898 г. за № 314 и статья «Литературныя пенсіи». — Письмо Шеллера къ вицепрезиденту императорской академіи наукъ Л. Майкову. — Помощь «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» (литературный фондъ). . . 18

См. на оборотѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

БИБЛІОТЕКА ЧЕРКЕСОВ

стр.

V. Страданія.—Стихотвореніе «Недугъ».—Грѣхъ русской литературы.—Бесѣды умирающаго Шеллера о себѣ и литераторахъ.—Популяризуетъ писателя его знамя, а художественность содѣйствуетъ его направленію.—Безпокойство о долгахъ.—Кончина 21-го ноября 1900 г.—Стихи К. М. Фофанова на смерть Шеллера. 29

VI. Характеристика литературныхъ произведеній А. К. Шеллера и отраженіе въ нихъ общественныхъ типовъ за послѣдніе 40 лѣтъ.—«Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова»: шестидесятые годы въ семьяхъ и школахъ.—«Кукушка новой формаціи» и «Отцы по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ». — Отрицательный и положительный типъ русской женщины. 38

VII. «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ»...—Провѣрка идеаловъ.—«Паденіе». Индифферентизмъ конца 70-хъ годовъ. — «Ртищевъ». — Ренегатъ-восьмидесятникъ 47

VIII. Изъ эпохи оскудѣнія дворянъ.—Семья Муратовыхъ.—«Бездомники» и «Конецъ Бирюковской дачи».—Торжествующая буржуазія по городамъ и деревнямъ: «Голь» и «Алчущіе».—«Послѣ насъ»: толстовцы-теоретики. 54

IX. Стихотворенія А. К. Шеллера, какъ автобіографическій матеріалъ.—Минутныя настроенія. — Молодой поэтъ. 62

X. Публицистическія и научныя работы. — «Революціонный анабаптизмъ».—«Наши дѣти».— «Основы образованія въ Европѣ и Америкѣ», «Пролетаріатъ во Франціи» и «Ассоціаціи» 78

XI. Утопія Фурье и Кабе.—Практическое осуществленіе мирнаго соціализма.—Фамилистръ въ Гизѣ во Франціи и его отдѣленіе въ Лекенѣ (въ Бельгіи). 89

XII. Шеллеръ о себѣ самомъ.—Шестидесятники-литераторы и «молодые писатели».—Отношеніе А. К. Шеллера къ толстовцамъ, марксистамъ, народникамъ и консерваторамъ 99

XIII. Предубѣжденая критика: П. Никитинъ, А. Скабичевскій, А. Суворинъ, А. Б. и др. — Признаніе заслугъ Шеллера въ обществѣ и литературѣ.—Письма литераторовъ къ Шеллеру. 106

XIV. Профессоръ Ор. Ѳ. Миллеръ о Шеллерѣ.—Письмо Шеллера къ автору. 122

XV. Мое первое знакомство съ А. К. Шеллеромъ, Г. Е. Благосвѣтловымъ и Н. В. Шелгуновымъ. 126

XVI. Шеллеръ о секретаряхъ въ редакціяхъ. 131

XVII. Лѣсковъ и его письма къ Шеллеру. Моя переписка съ Шеллеромъ . 135

XVIII. Поправка Шеллера къ направленію 60-хъ годовъ. — Его защита 60-хъ годовъ. — Шеллеръ и Лѣсковъ о «Мимочкѣ». — Посмертное стихотвореніе А. К. Шеллера: «Инвалиды Жизни». 144

АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ШЕЛЛЕРЪ.

891.74(Шеллер)
Ф244

А. И. ФАРЕСОВЪ

~~40534~~

АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ

104
~~92~~ (Шеллер, А. К.)
Ф 242

ШЕЛЛЕРЪ

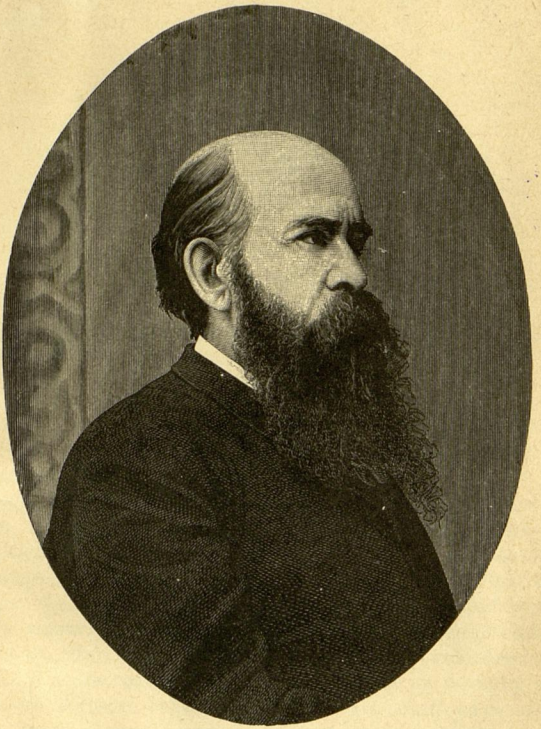
БІОГРАФІЯ И МОИ О НЕМЪ ВОСПОМИНАНІЯ

(СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ)

№ 353476
ЛЕНИНГРАДСКАЯ Областная Центральная Библиотека Площадь Лассаля, д. 3.
ЛЕНИНГРАДСКАЯ Центральная библиотека площ. Лассаля, 3
95677
БИБЛІОТЕКА ЧЕРКЕСОВА Ю. Н. ПОПОВА № 16866 Ц. С.-П.Б. НЕВСКІЙ Д. № 54

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

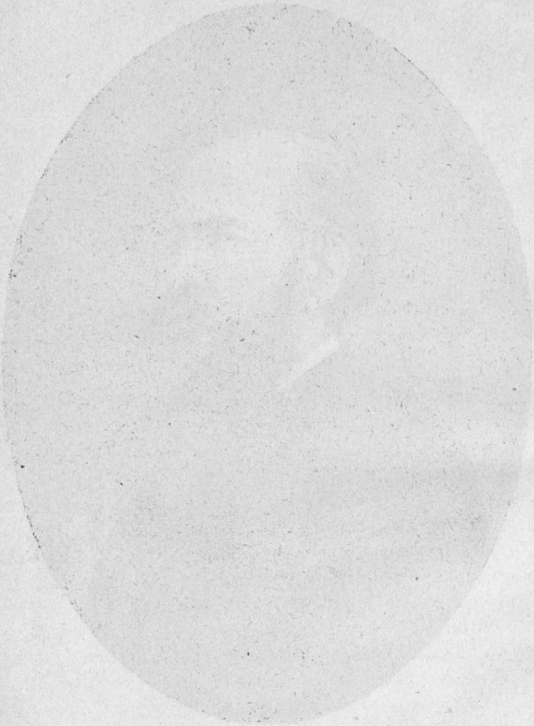
Проверено 1936 г.
1934 г. Проверено
- июл 1939
1948
2013
69
2007



АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ШЕЛЛЕРЪ.

БИБЛІОТЕКА ЧЕРКЕСОВА
(О. К. КОПЬЕВОЙ)
№
Ц
С.П.Б. НЕВСКІЙ Д. № 54

дозв. ценз. 8 февраля 1901 г. спб.



I.

Автобіографіи А. К. Шеллера. — Его семья. — Бабушка-аристократка и отецъ «крестьянинъ-эстъ». — Двойное воспитаніе.

Послѣ продолжительной и мучительной болѣзни, скончался, 21-го ноября 1900 года, извѣстный писатель Александръ Константиновичъ Шеллеръ, произведенія котораго пользовались заслуженной извѣстностью среди образованной публики.

Онъ родился 30-го іюля 1838 года въ Петербургѣ, и первые годы его жизни описаны имъ самимъ въ романахъ «Гнилыя болота», «Жизнь Шупова» и въ повѣсти «Загубленная жизнь» (приложеніе къ «Живописному Обозрѣнію» 1892 года). Подъ фамиліею Рудыхъ въ «Гнилыхъ болотахъ» выведена его собственная семья, разумѣется, въ общихъ чертахъ. Достовѣрность автобіографіи подтверждается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что по поводу юбилейныхъ дней А. К., я неоднократно писалъ о немъ статьи въ газетахъ и бралъ для его біографіи свѣдѣнія изъ названнаго романа не только съ вѣдома автора, но часто показывалъ ему и самую рукопись. Онъ всегда находилъ свѣдѣнія о себѣ вѣрными.

Отецъ нашего писателя, Константинъ Андреевичъ, былъ родомъ эстонецъ и, по пріѣздѣ въ молодые годы изъ Аренсбурга въ Петербургъ, былъ опредѣленъ въ театральное училище. Окончивъ курсъ, онъ служилъ въ театральномъ оркестрѣ, но, поссорившись съ дирекціею, поступилъ на службу придворнымъ служителемъ.

Въ одномъ изъ некрологовъ А. К. Шеллера сказано, что, несмотря на очень стѣснительныя обстоятельства, А. К. удалось

очень рано познакомиться съ литературою: одинъ изъ его дядей, Александръ Ивановичъ Шеллеръ, былъ профессоромъ въ педагогическомъ институтѣ, переводчикомъ оперъ и первымъ насадителемъ на русской сценѣ мелодрамы; бабка и одна изъ тетокъ А. К. были связаны дружбою съ Рылѣевымъ, Крыловымъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ и др. Вслѣдствіе этого общество, окружавшее А. К. въ дѣтствѣ, состояло преимущественно изъ людей интеллигентныхъ. Друзьями его отца были артисты Дюръ, Брянскій, Смирновъ, художникъ Молдавскій и др.

Этотъ отзывъ о раннемъ дѣтствѣ и юности А. К. требуетъ комментаріевъ. Изъ него можно подумать, что А. К. былъ съ раннихъ лѣтъ окруженъ чуть ли не избраннымъ обществомъ столицы, а между тѣмъ въ автобіографическомъ романѣ «Гнилыя болота» самъ А. К. говоритъ о себѣ слѣдующее:

«Въ нашей квартирѣ въ теченіе недѣли визжала отцовская пила, свистѣли рубанки, стучалъ молотокъ, раздавался веселый голосъ моей матери, и часто звучали разговоры нѣсколькихъ дѣвушекъ, занятыхъ шитьемъ женскихъ нарядовъ, слышалось броженіе трудовой, честной и здоровой жизни. Отецъ и мать затворились въ своей квартирѣ и вели одинокую жизнь среди шумной столицы; отецъ служилъ, столярничалъ и отдыхалъ отъ трудовъ за чтеніемъ переводовъ англійскихъ романовъ, матушка шила по заказу платья». Вліяніе отца и матери было благотворное на подростающаго сына, но бабушка изъ обѣднѣлаго аристократическаго рода Адамовичей постоянно парализовала это вліяніе тѣмъ, что, по признанію автора, «баюкала меня волшебными сказками, а пуще разсказами о безпутномъ, великомъ, блестящемъ Екатерининскомъ вѣкѣ; описывала балы, маскарады, убранство барскихъ дворцовъ и садовъ,—и пестрою толпою неслись передо мною роскошныя и румяныя маски нашей старой знати. Какія-то полновѣсныя фигуры съ гордой осанкой и чопорной выступкой виднѣлись мнѣ, и удивлялся я, что онѣ могли такъ ловко и низко гнуться и шаркать ногами, какъ говорила бабушка. Какъ сказка изъ тысячи одной ночи, восхищали меня эти разсказы, переданные съ увлеченіемъ, съ паѳосомъ моею Шехеразадою. Когда я наивно спрашивалъ: «А у меня, бабуся, будутъ такія комнаты, такіе наряды?» — то она съ полною увѣренностью отвѣчала: «Разумѣется, будутъ; выростешь большой, будешь служить, дослужишься, можетъ быть, до генеральскаго чина, и будешь богатъ». Отецъ исподтишка подсмѣивался и шутя говаривалъ мнѣ: «Ну, Саша, покуда ты не генералъ, набей-ка мнъ

трубку». Будущій генералъ исполнялъ роль крѣпостныхъ Ванекѣ и Гришекъ».

Бабушка усиливала ложное тщеславіе въ ребенкѣ вѣчными напоминаніями о томъ, что «у насъ Ивановыхъ и въ роду не было. Нарышкины, Нелидовы, фонъ-Братке, Адамовичи, князья Черкасскіе, князья Давыдовы—это наши родственники, а мѣщанъ Ивановыхъ у насъ отъ роду не было». (См. «Загубленная жизнь», приложеніе къ «Живописному Обозрѣнію» 1892 года).

Отецъ Александра Константиновича говорилъ тогда бабушкѣ:

— Да, да, вы-то родня и самому Петру Великому... А я вотъ надняхъ на запяткахъ стоялъ за каретою одного изъ какихъ-то вашихъ родственниковъ. Вы знаете, что ваши родные не наши родные...

«Я не понималъ причинъ этой то глухой, то открытой борьбы бабушки и отца,—говоритъ А. К.,—и росъ между огней. Бабка плѣняла меня разсказами о блескѣ и роскоши Екатерининскихъ временъ; отецъ старался при мнѣ указывать, какими скверными путями добывается иногда богатство; бабка учила меня кичиться тѣмъ, что мы якобы родня Петру, отецъ училъ гордиться тѣмъ, что мы дѣти простого трудового народа. И затѣмъ предо мною проходилъ цѣлый рядъ образовъ «нашей родни», «шеллеровской родни», какъ говорилъ отецъ.

«Лучшей темы разговора для бабушки не было, кромѣ разговора обо мнѣ, единственномъ ея родномъ внукѣ, кумирѣ. Она находила во мнѣ всѣ достоинства, и когда ей замѣчали, что мой покойный братъ Левъ, съ котораго Константинъ Ивановичъ Молдавскій написалъ портретъ младенца Христа, находящійся въ придѣлѣ Исаакіевскаго собора, былъ бы, вѣроятно, впослѣдствіи красавцемъ, бабка всегда пренебрежительно заключала:

— «Ну, что бы вышло изъ него, это еще Богъ вѣсть, а каковъ Шурушка, это мы всѣ видимъ».

При всемъ баловствѣ бабушкою, дѣтство А. К. Шеллера было тяжелымъ. Въ разговорѣ о немъ Шеллеръ неоднократно разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

«Бѣдность была такая, что всѣ мои братья вымерли и не вынесли условій жизни. Родные мои были крѣпышами. Отецъ силачъ, мать здоровая... Однако, дѣти всѣ умирали, одинъ я уцѣлѣлъ. Съ самаго дѣтства мнѣ были знакомы и нужда и горе. Помню до сихъ поръ, какъ въ нижнемъ этажѣ нашей квартиры поставили гробикъ для брата, а я ранѣе уже привыкъ къ тому, что какъ унесутъ этотъ

гробикъ, такъ кого нибудь изъ семьи нашей не хватаетъ... Поставили гробъ и говорятъ мнѣ, чтобы я не плакалъ.

— «Это люлька для братца твоего...

— «Я не хочу такой люльки себѣ,—кричалъ я въ ужасѣ.—Не хочу такой люльки!

«Всѣ мои братья и сестры пропадали въ такихъ «люлькахъ»; одинъ я выжилъ тяжелыя условія нашей домашней жизни.

«Иногда бабушка таскала меня къ дальнимъ, но богатымъ родственникамъ въ гости, и тамъ какой нибудь пажикъ спрашивалъ:

— «Гдѣ служитъ твой отецъ?

— «При дворѣ,—отвѣчалъ я и уже начиналъ краснѣть.

— «А какой у него чинъ?—продолжалъ допросчикъ.

«Я готовъ былъ заплакать и никакъ не рѣшался сказать правду; я уже стыдился званія своего отца и глупо лгалъ, отвѣчая:

— «Не знаю».

Долго Александръ Константиновичъ находился подъ вліяніемъ родственниковъ по материнской линіи, но, наконецъ, наступилъ и въ немъ переломъ, о которомъ онъ говоритъ слѣдующее:

«Мечты о томъ, что я самъ по себѣ, безъ заслугъ и дѣлъ, что нибудь значу, что счастіе жизни состоитъ въ важномъ чинѣ, въ барскихъ замашкахъ и въ богатствѣ, мечты, привитыя мнѣ бабушкою, школою, контрастомъ богатой обстановки другихъ домовъ съ бѣдною обстановкою моей жизни, — теряютъ для меня всякое отрадное значеніе, дѣлаются мнѣ отвратительны».

II.

Отецъ — придворный служитель. — Мать. — «Мой родъ».

Если и наступило для Шеллера время критическаго отношенія къ своему аристократизму по материнской линіи, то все-таки двойное воспитаніе съ дѣтства бабушкою-аристократкою и отцомъ-демократомъ безсознательно прорывалось въ сужденіяхъ и поступкахъ нашего писателя. Примириться съ демократическимъ происхожденіемъ онъ могъ только въ нравственномъ аристократизмѣ своихъ родителей и потому говорилъ о нихъ всегда, какъ о самыхъ идеальныхъ и выдающихся людяхъ.

Однажды, по его разсказамъ, кто-то изъ видныхъ лицъ при администраціи двора сказалъ его отцу, что очень много выходитъ денегъ на посуду, и въ заключеніе прибавилъ: «Я въ жизни своей никогда не разбилъ ни одного стакана».

— Неудивительно, что вы не били посуды,—перебилъ отецъ.— Вы никогда и не мыли ее за собой.

Въ другой разъ то же лицо, любуясь фонтанами въ Петергофѣ, замѣтило: «А вѣдь Самсонъ-то сталъ хуже выбрасывать воду. Прежде онъ билъ струю выше деревьевъ, а теперь ниже»...

— Неудивительно,—сухо поправилъ отецъ:—деревья растутъ, а Самсонъ не растетъ.

Случилось, что у одного придворнаго генерала проворовался сынъ, и этотъ генералъ, встрѣтивъ Константина Андреевича, спросилъ смѣясь: «А вашъ сынъ-то въ литературу пустился?.. Чуть-чуть что не Шиллеръ».

Старикъ нахмурился и промолчалъ.

— Да вы, кажется, обидѣлись? Я вѣдь пошутилъ...

— Да, я обидѣлся,—отвѣтилъ отецъ:—именно тѣмъ, что не могу въ свою очередь пошутить и спросить васъ, куда вашъ сынъ пустился...

По разсказамъ Александра Константиновича, его отецъ былъ дѣйствительно выдающимся человѣкомъ, умѣвшимъ во всякомъ званіи сохранить свое достоинство и даже оригинальность привычекъ.

«Онъ былъ человѣкомъ правой, а не лѣвой руки, — говорилъ про него сынъ.—Довольно тяжело всю жизнь держаться своей правой стороны... При встрѣчѣ съ людьми на улицѣ—стоять, кто бы ни шелъ, не двигаясь съ мѣста, и говорить: я иду своей правой стороной, совѣтую и вамъ то же дѣлать... Тогда никогда не будетъ непріятныхъ столкновеній.

Разумѣется, это приносило Константину Андреевичу массу непріятностей, но послѣдній, выражаясь символически, никогда не сворачивалъ съ дороги ни передъ кѣмъ.

Александръ Константиновичъ часто разсказывалъ мнѣ не только о сильномъ характерѣ и умѣ своего отца, но и объ удивительно добромъ его сердцѣ.

«У насъ были украдены,—говорилъ онъ,—старинныя, красной мѣди, кастрюли, которыми особенно дорожила мать...

— «Это память,—восклицала она.—Въ этихъ кастрюляхъ готовили себѣ обѣдъ еще мои родители.

— «Прекрасныя были кастрюли,—философски согласился отецъ, нисколько не возмущаясь.

— «Ничего прекраснаго въ нихъ не было,—продолжала она,— измятыя были кастрюли и претяжелыя... А онѣ дороги по воспоминаніямъ.

— «Я понимаю! Понимаю... Ну, сказала разъ и довольно плакаться. И безъ кастрюль можно жить!

«Философія не помогала, и мать сердито отвѣтила:

— «Тебѣ, батюшка, хоть весь домъ растащи—все равно...

«На другой день отецъ возвращался со мной изъ гостей домой и повстрѣчалъ на дворѣ маленькихъ дѣтей сапожника. Онъ приласкалъ ихъ и одинъ изъ нихъ похвастался:

— «А мы мясо ѣли сегодня!

— «Почему такъ? Что за праздникъ?—удивленно спросилъ отецъ, зная бѣдноту ихъ многочисленной семьи.

— «Батька продалъ кастрюли и купилъ мясо,—болтали дѣти.

— «Красныя кастрюли, съ помятыми боками?—спросилъ отецъ и тотчасъ же сконфузился отъ своего допроса.

— «Красныя!—словоохотливо болтали малютки.

«Отецъ съ испугомъ взглянулъ на меня и вдругъ рѣзко сказалъ:

— «Молчи! Матери не разсказывай... Не огорчай ее. Это наши кастрюли. Дѣтей жаль... По цѣлымъ годамъ мясо не ѣдятъ, а у насъ собакамъ каждый день оно варится въ овсянкѣ. Не разсказывай никому... Не обижай бѣдныхъ людей!

«Голосъ отца былъ серьезенъ и строгъ».

Въ другой разъ его отецъ подалъ милостыню какому-то нищему, и тотъ прямо пошелъ въ кабакъ.

— Зачѣмъ ты далъ ему денегъ?—сказалъ мальчикъ.—Онъ пить водку пошелъ.

Это замѣчаніе вызвало въ Константинѣ Андреевичѣ гнѣвное восклицаніе.

— Можетъ быть, ему водка нужнѣе хлѣба! Почемъ ты знаешь? Ты еще ничѣмъ не заслужилъ судить несчастныхъ людей!

Этому спартанцу и философу А. К. обязанъ лучшими сторонами своего характера и лучшими взглядами на жизнь, которые онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ. Что касается матери, то она была тоже весьма хорошей женщиной. «Нравственная чистоплотность и брезгливость были основными чертами ея характера. Дурные люди были для нея мертвыми людьми, о которыхъ нечего было говорить, не имѣя возможности говорить о нихъ хорошее».